

Сергей КАЗНАЧЕЕВ

ДРУГИЕ «МОСКВА — ПЕТУШКИ»

Быль

Эта удивительная, забавная и в то же время драматичная история произошла с моим покойным братом Николаем в бытность его студентом философского факультета МГУ. Он сам рассказывал мне об этом, а некоторые детали добавил наш общий приятель Джин.

В начале второго курса — шёл, кажется, 1974 год — их курс послали на картошку, в колхоз неподалёку от Серпухова, за Окой. Студентов разместили, как водится, в гнилом бараке, для отопления которого им нужно было самим топить дровяную печь. Поутру будущих философов отвели на бескрайнее польмо. Дело было в середине сентября, шёл мелкий дождь, не собиравшийся когда-либо заканчиваться. Трактор с копалкой прорывал неглубокие канавки, и студентам предстояло выковыривать из сырой земли осклизлые клубни, ведрами сносить их в бурты, а потом затаривать в мешки, а чаще — просто закидывать в кузов тракторной тележки.

Вели себя по-разному. Одни безропотно становились в позу буквы «зю» и закапывались руками в почву. Другие всеми правдами и неправдами стремились отлынить от работы и отсиживались на опушке ближайшего леса, покуривая и ведя абстрактные философские беседы. Но, собственно, дело не в этом.

Кормёжка была довольно приличная, но погода и быт оказались таковы, что уже дня через три большинство студентов почувствовало непреодолимое стремление вмазать. Но было нечего. В окрестных сельпо по причине

уборочной ничего не продавалось, а благородное дело самогонварения находилось в запущенном состоянии: всё производимое выпивалось местными.

Требовалось что-то придумать, и на общем собрании философы решили послать фуражира в столицу за портвейном. Выбор пал на Николая. Дело в том, что Коля как-то сразу стал душой компании, авторитетным и надёжным сокурсником, играл в студенческом театре, футбол и карты, сочинял остроумные и оригинальные эссе. Ещё больше его уважали в деревне. Дрова для печки надо было колоть из чурбаков, сложенных во дворе барака. В первый же день выяснилось: никто из однокурсников, людей городских, не умеет этого делать. И только Николай Михалыч, поплевав на ладони, брал в руки колун и с одного маха разваливал толстые дубки и осины. Это было так впечатляюще, что посмотреть на его искусство собиралась немалая публика. Словом, его кандидатура выглядела безусловной. Он тоже не возражал.

И вот в тот же день, по-быстрому собравшись, взяв самый вместительный портфель, энную сумму, собранную в складчину, он отправился на станцию. В электричке он любовался, как говорится, золотой осенью, которая под Москвой и в непогоду выглядит великолепно, и предвкушал, как приедет в «высотку», отмокнет в душе, отоспится в цивилизных условиях и всё такое... И действительно, через несколько часов он уже умиротворённо сидел в махровом халате, слушал магнитофонную запись Демиса Руссоса, отхлёбывал из рюмки египетский бальзам «Абу Симбел» и беседовал с товарищами, которых по здоровью освободили от колхоза.

Утром Коля преспокойно сходил в магазин, забил объёмистый «сидор» бутылками с «Агдамом» и портвейном «777» и после обеда отправился на Курский вокзал. Подойдя к путям пригородных поездов, он стал изучать расписание и после долгих поисков обнаружил, что нужной ему тульской электрички тут нет и в помине. Это показалось странным, но ехать то было нужно! Тогда он принял решение, показавшееся ему логичным и единственно верным: взял билет до одной из дальних на этом направлении станций. Это были Петушки, ибо брать до Владимира он не стал: неплохо разбираясь в географии, он понимал, что это в другом направлении, нежели Тула.

Расчёт состоял том, что рано или поздно нужную ему станцию объявят, и он тут же выйдет. Электричка тронулась, Николай сперва вздремнул, но через час стал внимательно прислушиваться к информации машиниста. Поезд мчался от станции к станции, за окном менялся пейзаж. Надо сказать, на подмосковных ветках он почти всегда одинаков. Лес, поле, здание, речка, высоковольтная мачта, заводская труба... Но нужной ему платформы Приокской всё не было. «Должно быть, эта электричка идёт каким-то окружным путём», — подумал философ и на время успокоился. Уже вечерело, но станцией назначения и не пахло. А когда его терпение уже готово было лопнуть, голос в динамике бодро объявил:

— Станция Петушки, конечная. Граждане пассажиры, просьба освободить вагоны, поезд отправляется в тупик.

Весьма озадаченный таким положением дел, Николай спустился с платформы и подошёл к билетной кассе. Извинившись, он обратился к кассирше с вопросом, почему же электричка пропустила нужную ему станцию, на что получил ценный совет не морочить ей голову.

— Но что же мне делать?

— Пассажир! Если вы приехали не в пункт вашего назначения, вам следует вернуться назад. Через полчаса пойдёт поезд на Москву, берите билет и езжайте.

Что было делать? Взяв обратный билет, он отправился ожидать обратную электричку. В дороге он всё недоумевал: как же так вышло? В чём он ошибся?

Уже затемно, обременённый увесистой поклажей, Коля вернулся в общежитие и в полном смятении рассказывал своим собеседникам о том, какая таинственная напасть с ним приключилась. Они сочувственно кивали, высказывали свои версии случившегося, давали советы, но особо дельных среди них не нашлось, да и понятно: в «высотке» жили приезжие — откуда им знать хитросплетение московских железнодорожных веток?

— Может бы-ыть, ты про-осто не дое-ехал. Бери за-автра до Владимирера, — предлагал эстонец Хари Леонидович.

— При чём здесь Владимир?! Мне нужна Тула. А её там нет!

— Почему же кассирша тебе не объяснила? — вступил в разговор Миша Пономаренко по прозвищу Батька.

— Кто её знает? Сидит в своей кассе и ни в зуб ногой...

Под разговоры уговорили чуть не всё содержимое Колиного портфеля, на том и разошлись.

Наутро Николай отправился в магазин, купил очередную партию «партийного» вина и снова отправился на Курский. К расписанию электричек он подходил с душевным волнением и робкой надеждой, что вчера он каким-то образом просмотрел нужные поезда. Но всё было по-прежнему. Но ехать было надо. «Наверное, вчера я просто проспал Приокскую, — предположил незадачливый фуражир. — Впредь буду внимательнее». И опять взял билет до Петушков.

И снова электричка мчалась вперёд, за окном мелькали деревья, лабазы, стройки, мосты, киоски... чувствуя, как внутреннее беспокойство нарастает, Николай стал расспрашивать своих спутников, когда же будет его станция. Но этого не знали ни интеллигенты, ни военные, ни работяги, ни старушечки. А один бомжеватого типа мужик уверенно заявил:

— Такой станции здесь отродясь не бывало!

— Но я же оттуда позавчера приехал!

Мужичок пожал плечами и посмотрел на Колю как на человека, у которого не хватает масла в голове. Он и сам испытывал похожее ощущение: то ли у него произошёл сдвиг по фазе, то ли окружающий мир неузнаваемо изменился, всё поменялось местами и неизвестно, когда вернётся назад. И вернётся ли вообще. Под влиянием таких чувств Николаю показалось, что всё вокруг него не такое, как обычно: и невзрачные пассажиры, и тусклый вагон, и даже серое осеннее небо за окном как будто приобрело нереально унылый оттенок. Для того чтобы восстановить яркость зрения, он достал из портфеля бутылку и предложил бомжеватому раздавить её. Тот не отказался. Стало немного веселее. Постепенно к ним присоединялись другие спутники, они дружно сочувствовали заблудившемуся пассажиру, но помочь ничем не могли. За разговорами не заметили, как поезд подошёл к Петушкам, и Николай вновь оказался на платформе, оглядывая городской и уже знакомый ему пейзаж.

Петушки — городок, конечно, своеобразный и в чём-то даже колоритный, но всё-таки — не Сочи. Особо душой не возвеселишься. Но не поэтому сердце Коли грызла смертельная тоска. Во-первых, сокурсники в колхозе пропадают без портвейна.

Во-вторых, им и дров-то наколоть некому, и в этом смысле было опрометчиво отпускать в дорогу именно его. Но кто знал, что всё так обернётся? А в-третьих, и это самое главное, он испытывал чувство полной безысходности положения, в котором оказался.

Но делать было нечего, и когда подали обратную электричку, он без билета сел в вагон и пустился в печальный путь назад. Стоит ли говорить, что по дороге его оштрафовали, но Николай уже ничему не удивлялся и особо не расстроился: эмоции и так были на нуле. Так же опустошённо он вернулся в общагу и поведал друзьям, что история повторилась, но отнюдь не в виде фарса, как обещал Карл Маркс, а один к одному.

Присутствовавший на сей раз в комнате приятель — аспирант Олег Дунаевский, заядлый участник совместных преферансных игр, человек опытный и бывалый, — взглянул на Николая как на слабоумного и сказал:

— Коля, да будет тебе известно: на Курском два направления электричек. Ты что, этого не знал? Прямо как человек рассеянный!

— Как два?

— А вот так: Горьковское и Курское. Не считая обратного, в сторону Каланчёвки. И ты попал не на ту ветку.

— Но где же там Курское?..

— Надо было пройти под вокзалом и подняться на платформу там, где стоят поезда дальнего следования.

— Вот гадство! — опешил Николай, в глубине души испытывая облегчение, что найден выход из тупика, хоть и с запозданием.

На радостях распили оставшийся портвейн, а на следующий день философ в третий раз заполнил портфель портвейном, благо цена его тогда была недорогой, а качество пристойным, не то что ныне. Простившись с друзьями, он пустился в путь свой, с интересом узнавая новый маршрут.

Увидев Колю у барака, сокурсники — что совершенно справедливо — искренне хотели его побить. Но когда он пересказал им свою грустную одиссею, простили, да и портвейн придал им более доброжелательное состояние духа, а печка, истопленная Колей, уютно потрескивала угольками.

Впоследствии Джин рассказывал, что долгие годы, слыша о популярной, но запрещённой книге «Москва — Петушки»,

совершенно искренне считал, что в основу её сюжета положены именно мытарства Николая Михальча, а когда, наконец, прочитал Ерофеева, то был сильно разочарован. История, рассказанная Веничкой, произвела на него куда меньшее впечатление. Впрочем, это — исключительно дело вкуса.

Трагическим эпилогом сей истории следует считать то, что судьба Николая Михайловича распорядилась так, что после развода он переехал в однокомнатную квартиру в городе Ликино-Дулёво. Так как работал он в Москве, ему каждодневно приходилось мотаться по той самой ветке, причём часто именно на петушковской электричке, пока его не обнаружили мёртвым в своём нехитром жилище. Поскольку жил Николай Михайлович один, никому неизвестно, как, почему и когда он скончался. Меня до сих пор бросает в дрожь, когда я думаю, что чувствовала его душа, наблюдая за тем, как день за днём разлагается тело... Похоронили его в Орехово-Зуеве, на участке кладбища для бесхозных могил. Но это, как говорится, уже совсем другая история.

ВЫСОКИЕ ГЛАГОЛЫ

*«Спаси и сохрани» — два этих важных слова
у каждого из нас отлиты на груди.*

*Они как благодать, они — души основа,
они — залог того, что вечность впереди.*

Но есть ещё слова. Они не так упрямы.

*А сердце, не спросясь, сжимается в горсти,
когда в вечерний час, шагая мимо храма,
всё чаще я шепчу: «Помилуй и прости!..»*

*Я поминаю каждый новый Божий день
своих грузей, отцов, дедов, родного брата.
Какая б в жизни ни творилась гребедень —
со мною вечно все, кого я знал когда-то.*

*Порой жалею, что их больше рядом нет
(и каково им там, в небесной Атлантиде?),
но, наблюдая череду зловещих бег,
твержу: «Как хорошо — они сего не видят!..»*